

red. naukowa
Krzysztof Kusal

**Lingwokulturologia
w glottodydaktyce
i badaniach
językoznawczych**

Recenzent

Prof. dr hab. Gintautas Kundrotas

Redakcja naukowa

Prof. nadzw. dr hab. Krzysztof Kusal

Redaktorzy językowi

Dr Wiesław Przybyła (język polski)

Mgr Oktawia Braniewicz (język angielski)

Prof. nadzw. dr hab. Krzysztof Kusal (język rosyjski, język białoruski)

Redaktor techniczny

Monika Poradecka

Projekt okładki

Joanna Niekraszewicz

Copyright by Akademia Humanistyczno-Ekonomiczna w Łodzi
Łódź 2021

ISBN 978-83-7405-696-0

Skład DTP

Monika Poradecka

Druk i oprawa

OSDW Azymut

Wydawnictwo Akademii Humanistyczno-Ekonomicznej w Łodzi

90-212 Łódź, ul Sterlinga 26, tel. 42 63 15 908

e-mail: wydawnictwo@ahe.lodz.pl

www.wydawnictwo.ahe.lodz.pl

Spis treści

Przedmowa	5
Anna Bielska	
Pull over or pullover? Puns in AVT	7
Marzena Fornal	
Ucieleśniony umysł, ucieleśnione poznanie, ucieleśniony język, czyli jak rozwój nauk kognitywnych doprowadził do rewolucji w językoznawstwie	19
Krzysztof Kusal	
Субстандартная лексика и фразеология как глоттодидактическая проблема	39
Patrycja Ostrogska, Olga Majchrzak	
A neurobiological perspective on deficient phonological processing skills in readers with developmental dyslexia	49
Anna Pałczyńska	
Język równościowy w tłumaczeniach	61
Arkadiusz Piętaś	
Nieprzekładalność – fakt czy mit?	79
Natalia Piórczyńska-Krawczyńska	
„[J]akoś to dla mnie pozmieniał”. <i>Rzeczy niewysłowione</i> Sørensa Gaugera ...	87
Jan Sosnowski	
Sklepy z czasów mojej młodości. Przeszłość i terażniejszość	97
Małgorzata Ziółek-Sowińska	
Spanglish and Mexican American Identity: Acquiring English and the Development of Linguistic Competence by Mexican Immigrants in the United States	117
Waldemar Żarski	
Garnek – pojęcie, realizacje leksykalne i ich determinanty kulturowe w dziejach polszczyzny	139
Natalia Grushina	
Стилистические средства как элементы дейксиса времени	155

Mikhail Khmelevsky «Сербохорватский языковой и культурологический континуум»: сербский, хорватский, боснийский и черногорский языки – pro et contra	167
Marina Yu. Kotova Лингвокультуремы тематической группы «Конфликтность» (на материале «Электронного словаря современных активных восточнославянских пословиц»)	183
Irina Kuznetsova Ориентальная лексика тематической группы «Одежда» во фразеологии южных славян	207
Julia Petrushevskaja Тыпы нацыянальна-культурнай адметнасці прыказак в беларускай мове	221
Olga V. Raina Лингвокультурный потенциал пословиц и фразеологизмов в процессе обучения иностранному языку	235
Alexandr Savchenko К проблеме «украинского варианта» русского языка: некоторые специфические черты и особенности русскоязычной речи украинцев	243
Tatiana Shkapenko Коллаборация/kolaboracja как конфликтогенный элемент кросс-культурной коммуникации	257
Andrey Zaynuldinov Tiarenkov Эмоционально-оценочная лексика и фразеология в русском публицистическом стиле	269

Mikhail Khmelevsky <https://orcid.org/0000-0002-1980-5453>

Petersburski Uniwersytet Państwowy (Rosja)

e-mail: chmelevskij@mail.ru

«Сербохорватский языковой и культурологический континуум»: сербский, хорватский, боснийский и черногорский языки – *pro et contra*

Koliko jezika znaš, toliko ljudi vrediš.

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные вопросы языковой ситуации, сложившейся в южнославянском пространстве, с привлечением культурологического и фразеологического материала. В частности, обосновывается подход к определению статуса сербского, хорватского, боснийского и черногорского языков на базе совокупности критериев выделения их как самостоятельных языков. Актуальность заявленной проблематики видится в поиске ее объективного разрешения.

Ключевые слова: южнославянские языки, идиом, язык, диалект, фразеология, культурология

Сербскохорватский, или хорватско-сербский, или только сербский и только хорватский языки. Существует ли боснийский язык, если почти весь его лексический корпус включен в словарь сербохорватского языка, имеет ли право на существование признанный мировым сообществом переводчиков черногорский язык? – вопросы, которые вот уже много десятилетий уводят славистов в экстралингвистическую область излишних дискуссий и разглагольствований о названии языка, верс. языков народов Южной Славии. В результате многие слависты, вместо того чтобы анализировать, описывать и изучать богатейшую материальную и предметную палитру, которую открывает исследователю южнославянская

ветвь славянских языков, вот уже многие десятилетия уходят в неприемлемые споры политизированного, а не лингвистического характера, суть которых заключается далеко не в научном, а в исключительно субъективном понимании участников таких споров того, что считать отдельным языком, а что его диалектами. Мы постоянно сталкиваемся с националистическим «краеугольным камнем» подобных дискуссий – как назвать этот язык, который одновременно якобы един, но в то же время – многолик по своей сути. Вот уже более полувека ведутся лингвистические «баталии» вокруг вопросов, которые выходят за рамки языкознания и носят скорее характер выяснения личностных и националистических отношений антинаучного уровня. Таким образом, подобные дебаты превращают лингвиста, который в них участвует, в пропагандистского оратора и уводят его в сторону от изучения непосредственно самого языкового материала, который представляет собой неисчерпаемый клад для сравнительно-сопоставительной славистики, не только языковедческого, но и культурологического, а также – уникального в своем роде феномена в славянском мире.

Укажем факты, на основании которых мы постулируем свое отношение к антинаучным заявлениям «пансербистов» и которые могут внести ясность в многолетние дискуссии славистов, придерживающихся идей «пансербизма» по вопросу «быть или не быть» тому или иному языку с правом их самоназвания по национальной самоидентификации носителей, т.е. этнониму.

Вопрос о том, что называть отдельным языком в лингвистике до сих пор далек от разрешения, поскольку отсутствует единый критерий для поиска однозначного ответа на него. Выбирая только один из таких критериев, мы невольно окажемся в тупике, пытаясь найти консенсус в данной проблематике.

Первый из них – синхронный аспект, в рамках которого одновременно встает вопрос, почему тогда, например, белорусский язык, наиболее близкий к русскому языку, мы бесспорно называем отдельным языком, а, например, речь казаков, проживающих на юге России – одним из южнорусских говоров. Таким образом, критерий взаимопонимания не будет применим к попыткам объединить хорватский и сербский в один общий сербохорватский язык, и тот факт, что босниец понимает серба или черногорца без переводчика, не будет являться релевантным для решения «южнославянского языкового вопроса». Второй аспект – диахронический, но тогда и здесь встает аналогичный вопрос, с какого момента следует считать украинский и белорусский отдельными языками,

а до каких диалектами древнерусского? В этом смысле мы также не найдем аргументированного ответа на вопрос о времени распада западной южнославянской общности. Останется также открытым вопрос, почему традиционно чакавский и кайкавский называют диалектами одного языка, если у каждого из них есть своя письменная литературная традиция, а критерий взаимопонимания вообще не может быть применен вследствие отсутствия такого между их носителями. Литературный язык хорватов был кодифицирован в XIX в. на основе штокавского диалекта, наиболее приближенного к литературному сербскому языку, т.е. на единой для сербов и хорватов языковой общности, и в силу этого многие сербские лингвисты заключают, что данный критерий может считаться значимым для именованного языка двух народов единым сербохорватским. Однако при этом не учитывается то, что вследствие разных литературных традиций и экстралингвистических факторов, развиваясь внутри двух культурно и исторически обособленных различных национальных этносов, почти за два столетия языковые стандарты могли измениться в сторону их расхождения.

Более того, вряд ли можно говорить и о критерии взаимопонимания, поскольку лексически сербские, хорватские или боснийские языковые традиции в настоящее время различаются не меньше, чем русский и белорусский, чешский и словацкий, украинский и русинский и т.д., поскольку среднестатистический современный серб (не филолог), согласно нашим лингвосоциологическим исследованиям, далеко не всегда в полной мере понимает хорватский текст не только специализированного, научного или юридического характера, но и публицистического, равно как и боснийский письменный или устный текст, насыщенный тюркизмами и выражениями, отражающими местные реалии. Иными словами, среднестатистический носитель хорватского культурологического идиома (не филолог) не сможет прочесть сербскую кириллицу, которую он воспринимает как не понятную для него письменность другого языка. Различия начинаются уже с таких разнящихся меж собой устойчивых форм, как, например, приветствие: с одной стороны, все народы сербохорватского языкового континуума употребляют общее для всех *Dobar dan!*, с другой – у каждого из них мы находим свои собственные выражения приветствия – серб. *Zdravo!*, хорв. *Bok!*, босн. *Selam!*, которые, естественно, будут понятны всем народам, поскольку они живут в одном сербохорватском языковом пространстве и общем взаимотранслируемом и культурологическом контексте, но будут восприниматься ими как чужеродные, т.е. узнаваемые, но принятые в другом соседнем языке, а по

своей сути – как иностранные слова. Это случай традиционно различной лексики, как, например, серб. *hiljada* – хорв. *tisuća*, серб. *hleb* – хорв. *kruh*, серб. *voz* – хорв. *vlak* и т.д.

Однако большинство различий между сербским и хорватским языками на уровне лексики и, соответственно, фразеологических единиц, содержащих подобную лексику, потребуют от носителя сербского языка либо расширенного контекста, либо словарного перевода. Достаточно привести ряд лексико-семантических типов из общеупотребительной лексики для иллюстрации вопроса такого взаимонепонимания: носителю сербского языка потребуется словарь. Это касается хорватских названий месяцев (серб. *januar, februar, mart...* – хорв. *siječanj, veljača, ožujak...*), юридической и научной терминологии (серб. – хорв.: *firma – tvrtka, uverenje o državljanstvu – domovnica, biografija – životopis, akcionar – dioničar, azot – dušik...*), а также целого ряда общеупотребительной лексики (серб. – хорв.: *biblioteka – knjižnica, avion – zrakoplov, nivo – razina, telegram – brzojav, oficir – časnik, Otadžbina – Domovina, topola – jablan, kajcija – marelica, penzioner – mirovnik, odnos – omjer, istorija – povijest, štampa – tisak, kupus – zelje...*), с чем автор настоящей статьи неоднократно встречался на занятиях по переводу с сербскими и черногорскими студентами, когда, руководствуясь ошибочной идеей «пансербистов» о единстве языка сербов и хорватов, предлагал студентам на перевод хорватский текст и сталкивался с недопониманием.

Таким образом, ввиду сказанного актуализируется еще один важный критерий выделения того или иного идиома как самостоятельного языка – необходимость перевода, которая будет свидетельствовать о том, что перед нами два разных языка, поскольку с диалекта на литературный язык, равно как и с литературного языка на диалект, как правило, не переводят (Мусорин/Musorin, 2001, с. 13). В особо выраженной степени критерии взаимопонимания и необходимости перевода становятся значимыми и в случае с письменной и устной речью боснийских мусульман, насыщенной тюркизмами, отражающими их повседневные реалии. Достаточно привести лишь несколько устойчивых фразеологических единиц культурологического характера, чтобы проиллюстрировать сказанное выше: босн. *provoditi vrijeme u akšamluku* – «беззаботно, расслабленно, весело проводить вечер в компании друзей за беседами, едой и алкогольными напитками» (*akšamluk* – «молитва, намаз до захода солнца, после которой можно расслабиться, пить алкоголь, беседовать на непринужденные темы и позволять себе все то, что запрещено в исламе в течение суток»); *akšam hajrulah!* – вечернее приветствие; *ima li bujruta?* – «мож-

но ли присоединиться к вашему столу?», *bujrum!* – «добро пожаловать (к столу), присоединяйся к нам!»; *Allahu šućur* (серб. *Bogu hvala*) – «слава богу»; босн. *cijeli divan to zna* (серб. *čitav svet to zna*) – «все это знают», где *divan* – «весь мир, все люди, весь народ»; *dobiti bajramluk* – «получить подарок к празднику», где *bajram* – «религиозный праздник»; *mubarek mjesec Ramazana!* – «счастливого месяца Рамазана!», *slati selame* – «отправлять приветственные сообщения»; *preseliti na Ahiret* – «уйти в иной мир, умереть», где *Ahiret* – «потусторонний мир» в исламе; ирон. *kao za džhenazu* – «грустно, с кислым лицом», ср. русск. «сидеть как на похоронах», где *džhenaza* – мусульманские похороны, и многие другие выражения, воспринимаемые и сербами, и хорватами как чужеродные, но естественные для боснийских мусульман (Савченко, Хмелевский/Savčenko, Hmelevskij, 2020, с. 557; Хмелевский/Hmelevskij, 2013, с. 229). То же можно сказать и о фразеологических единицах, которые фиксируются сербскими словарями, но которые, с точки зрения узуса, воспринимаются сербами как чужеродные (*tako se samo u Bosni kaže*), не употребляются ни сербами, ни хорватами или их значение для носителя сербского или хорватского языков затемнено или вовсе не понятно, напр. босн.: *mehlem za srce* – «бальзам на сердце», где *mehlem* – «мазь»; *ustati radi bereketa/berićeta* – «встать рано утром, чтобы многое сделать», ср. русск. *кто рано встает, тому бог подает*, где *berićet* – «ранний подъем» и в переносном значении – «счастье, удача, польза»; *živjeti na dunjaluku*, где *dunjaluk* – «этот мир, на этом свете» и др. (Кузнецова, Хмелевский/Kuznesova, Hmelevskij, 2021, с. 39).

Позицию Д.И. Эдельмана, который предлагает в качестве критерия выделения/невыделения самостоятельного языка считать фактор «наличия или отсутствие взаимопонимания между носителями форма речи, представляющих различные локальные единицы» (Эдельман/Édel'man, 1978, с. 129), вслед за А.Ю. Мусориным укажем на определенную ограниченность в действии этого критерия: если отсутствие взаимопонимания действительно может свидетельствовать о том, что перед нами различные языки, то наличие такого взаимопонимания ни в коей мере не свидетельствует, что перед нами всего лишь диалекты одного языка (Мусорин/Musorin, 2001, с. 14). Приведем пример неприменимости данного критерия к украинскому и русскому языкам, чешскому и словацкому или к азербайджанскому и турецкому, носители которых на бытовом уровне могут общаться без переводчика, однако никому не придет в голову рассматривать их как диалекты одного восточнославянского, западнославянского или единого тюркского языка, или более того – использовать по

отношению к ним название одного из них, напр. русского – по отношению к украинскому, чешского – по отношению к словацкому или турецкого по отношению к азербайджанскому по принципу количественного превосходства или большей культурной значимости.

Таким образом, ни один из вышеперечисленных критериев для выделения/невыделения самостоятельного языка не может применяться в отдельности, а лишь в совокупности с еще одним, не менее важным, а скорее всего даже самым значимым критерием – это языковое самосознание его носителей, т.е. представление говорящих о том, на каком языке они говорят. И в этом смысле мы, вслед за Н.Б. Мечковской придерживаемся того постулата, который оградит лингвиста от излишних дебатов по данной проблематике: если коллектив говорящих (а в нашем случае – народы сербохорватского языкового континуума) считает свою родную речь отдельным языком, отличным от языков своих соседей (не взирая на критерии взаимопонимания или общей диалектной основы, взятой при их кодификации), значит, идиом, на котором данный коллектив *vers. этнос / народ* говорит, это отдельный самостоятельный язык (Мечковская/Mečkovská, 1994, с. 94–95). Вполне естественно, что иногда изменение статуса языкового идиома связано с изменением статуса этнической группы, использующей данную идиому в качестве средства общения. Так, например, македонцы до 1945 г. считались субэтносом болгар, а их язык, соответственно, диалектом болгарского. Однако во второй половине XX в. македонцы получили статус отдельного славянского народа, что было закреплено новым административным положением в рамках границах современной Северной Македонии – одной из шести республик СФРЮ, а их идиом был признан самостоятельным языком. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и у рассматриваемых нами этнических образований: народы сербохорватского языкового и культурно-исторического континуума формировались на протяжении веков не по принципу их родственной принадлежности к общему корню (как в случае польской нации) и не по принципу языкового единства и принадлежности к одному историко-культурному пространству (как в случае русской нации), и не по принципу общей национальной идеи разнородных этносов (как в случае украинской нации), а по религиозному. И именно этот принцип сыграл в рассматриваемом нами регионе Балкан решающую роль для выделения и становления самостоятельных южнославянских славянских народов, именно он предопределил их дальнейшее обособленное историческое и политическое развитие, сформировал характерные для каждой из наций культурные особенности, национальный менталитет, причем

не в рамках политических границ единого государства и не в рамках единого и отдельного от других соседей языка (как в случае многих других народов), а в мировоззренческих границах, очерченных и предопределенных тем вероисповеданием, которое эти народы принимали в тот или иной исторический период.

Таким образом, принимая православие, католичество или ислам, индивид начинал относить себя, соответственно, к сербской, хорватской либо мусульманской нации. Следовательно, переход из одной веры в другую, будь то на определенном историческом этапе или сегодня в силу различных причин (получение более выгодных социальных условий и привилегий, как в случае исторического факта добровольного перехода православного населения Южной Сербии и Черногории в ислам, или в настоящее время – это замужество, внутреннее самосознание и самоидентификация и др.) логично влечет за собой переход из одной культурной общности в другую, а именно – переход из одной нации в другую. Фактор смены вероисповедания остается актуальным и до сих пор, что отражено в таком фразеологизме, как *Ne zna se u kojoj ćeš vjeri umrijeti* – «неизвестно, в какой вере умрешь», т.е. «не зарекайся, представителем какой нации станешь», или в шуточной поговорке *Dopodne Ilija, odpodne Alija* – букв. «до обеда ты Илия, а после обеда ты Алия», т.е. «легко поменять веру и национальность в угоду каким-либо обстоятельствам» (ср. русск. *и вашим, и нашим* или *семь пятниц на неделе*).

В этом смысле для данного балканского региона несколько не является релевантным ни принцип фактической близости или даже общности идиомов, который использует индивид в бытовом общении, ни место его рождения и проживания, ни даже национальность его родителей и родственников, а исключительно – религиозный принцип, формирующий национальное самосознание этноса.

Несколько обособленно в этой этнической палитре стоит черногорская нация, которая формируется на наших глазах в современном славянском мире, помимо религиозного, на принципе национального самоопределения каждого индивида в отдельности. Речь идет исключительно о православном населении Черногории, поскольку вопрос национальной самоидентичности не стоит у исповедующих католицизм или ислам и именующих себя, соответственно, хорватами или мусульманами, или черногорцами хорватского или мусульманского происхождения. Православные же идентифицируют себя либо как черногорцы, либо как сербы, либо как черногорцы сербского происхождения, в первую очередь, по своим личным политическим взглядам, что отражается на их

расхождении в вопросах трактовки исторического развития государственности, наименовании языка, на котором они разговаривают – сербский или черногорский (несмотря на единый идиом, которым они пользуются), а также при выборе либо православной церкви, подчиняющейся сербскому патриархату, либо черногорской православной церкви, существующей с 2000 г. как неправительственная организация, объявившей себя автокефальной.

Как следствие вышесказанного относительно вопроса формирования наций – сербов, хорватов, мусульман и черногорцев – встает вопрос названия тех идиомов, которыми они пользуются, лингвистически максимально близких друг к другу, но с региональными отличиями на всех языковых уровнях, характерными для того или иного народа. В большинстве своем они либо 1) остаются понятными или узнаваемыми в силу единого языкового и культурологического континуума, но при этом воспринимаются носителями разных идиомов как чужеродные и представляют собой предмет «межсоседского» подшучивания друг над другом, при этом определяются самими носителями как серб. *to je hrvatska reč*, *to je hrvatski jezik*, либо 2) входят в лексический состав сербских, хорватских или боснийских словарей, но при этом являются сильно этнически и узуально маркированными, либо 3) в целом ряде случаев – вообще не узнаваемы, не понятны, не фиксируются в словарях того или иного народа и требуют перевода. Проиллюстрируем сказанное на некоторых фразеологических примерах:

- 1) фонетические расхождения, например: а) сербская екавица в противопоставлении йекавице в остальных областях региона: серб. *preći Rubikon* – хорв. *prijeći Rubikon*; серб. *zdrav kao dren* – хорв. *zdrav kao drijen* и т.п.; б) традиционные различия в системе консонантизма: серб. *doći na kafu* – хорв. *doći na kavu* – босн. *doći na kahvu* – значение ФЕ «прийти в гости»; серб. *devojka za sve* – черног. *devojka za sve* – «мальчик на побегушках»; серб. *tup kao sekira* – черног. *tup kao šekira* – букв. «глупый как топор»; серб. *boli me uvo* – хорв. *boli me uho* – букв. «у меня болит ухо» в значении «мне все равно, наплевать» и т.п.;
- 1) исконные лексические различия: серб. *dobar kao (h)leb* – хорв. *dobar kao kruh* – букв. «добрый как хлеб» в значении «очень добрый (о человеке)»; серб. *gledati u šolju* – хорв. *gledati u šalicu* – босн. *gledati u fildžan* – букв. «смотреть в чашку» в значении «гадать на кофе», ср. русский аналог – *гадать на кофейной гуще*; серб. *viseti u vazduhu* – хорв. *visjeti u zraku*, ср. русский аналог – *висеть/повиснуть в воздухе*;

серб. *muzika za uši* – хорв. *glazba za uši* в значении «приятно слушать чьи-л. слова»; серб. *čuvati dupe* – хорв. *čuvati rit*, ср. русский аналог *беречь задницу* и др.;

- 2) национальная культурологическая специфика: серб. *Marko u Beograd, Marko iz Beograda* – хорв. *Martin u Zagreb, Martin iz Zagreba* – «о пустой, бессмысленной трате времени»; серб./хорв. *čisto kao u crkvi* – босн. *čisto kao u džamiji* – букв «чисто как в мечети»; серб. *caru carevo* – босн. *begu begovo/agi agino*, ср. русский аналог *Кесарю Кесарево*; серб., хорв. *znati/učiti kao Očenaš* – босн. *znati/učiti kao hafiz* (*hafiz* – «человек, наизусть знающий Коран»); серб./хорв. *lijepo kao u raju* – босн. *lijepo kao u dženetu* (*dženet* – в исламе «джаннат, райский сад»); серб. *boga mi!* – босн. *Alaha mi!* – традиционные заклятия «богом клянусь», серб. *dividenja* – босн. *allahmanet!*, серб. *pozdrav za dobre ljude* – босн. *selam za dobre insane* (и хотя турцизм *insan* фиксируется в сербских словарях как «человек, личность», здесь речь идет именно об узусе, частотности употребления и узнаваемости этой лексемы); серб. *dospeti u ćorsokak* – босн. *otići u helać* – «попасть в пропасть, потерпеть неудачу»; серб., хорв., черног. *jebem ti mater!* – традиционное экспрессивное междометное ругательство при черногорском *jebem ti oca!*, которое распространено только в Черногории и не знакомо соседним народам, возникшее как результат особо почитаемого культа матери в традиционной черногорской культуре, где замененный компонент *otac* во фразеологизме воспринимается как эвфемизм др.

Так, возвращаясь как названиям идиомов сербов, хорватов и мусульман (в нашем понимании – языков, т.к. мы исходим из совокупности вышеизложенных подходов и, в частности, критерия национального и языкового самоназвания определенного этнического коллектива, что, с нашей точки зрения, является важнейшим применительно к языковой ситуации рассматриваемого региона), представим еще один критерий выделения самостоятельного языка, который заключается в наличии/отсутствии лингвонима, т.е. названия данного идиома, употребляемого ее носителями по отношению к своему родному и отличного от всех наименований, применяемых данным языковым коллективом по отношению к языкам соседей (Мусорин/Musorin, 2001, с. 15). Данный критерий является также значимым для решения этой проблематики, поскольку мы практически не найдем примеров, когда бы тот или иной языковой коллектив, осознающий свой язык самостоятельным и отдельным, пользовался бы для его обозначения тем же названием, что и для языка соседнего народа (Мусорин/Musorin, 2001, с. 15).

Сторонники идей «пансербизма», которые отражены в языке, например, в виде сербской поговорки *pričaj srpski da te ceo svet razume* – «говори по-сербски, чтобы тебя весь мир/все люди понимали» и не имеющей эквивалента у хорватов, мусульман, черногорцев. В качестве аргумента в пользу названия языков всех рассматриваемых здесь народов как сербский, или сербохорватский, в качестве образца и аналога проводят параллели с языковыми ситуациями с английским языком в Великобритании и США либо с немецким в Германии, Австрии и Швейцарии, что ни в коем случае не может служить аналогом или тем более образцом для окончательно сложившейся языковой ситуации в рассматриваемом регионе Южной Славии. В первую очередь потому, что американцы, швейцарцы или австрийцы сами не воспринимают свой идиом как самостоятельный и отдельный от другого языка, в частности, английского или немецкого. В их лингвистическом сознании отсутствует восприятие своего идиома, пусть даже сильно отличающегося от стандартизированной нормы, как отдельно существующего языка, но в то же время и не как диалекта (если говорить о восприятии не лингвистом, а среднестатистическим носителем). Для них это скорее своеобразный языковой код, которым они пользуются только внутри своего языкового коллектива, противопоставляя его стандартному языку, что классическим образом ложится в рамки оппозиции «свой – чужой». В результате здесь мы имеем дело не с полиязычием, а с так называемой поликодовостью, где определенный языковой код приобретает четкую маркированность не по этническому признаку, а внутри вышеупомянутой оппозиции. При этом в бытовом общении носители своего родного кода прибегают к таким лингвонимам для его названия, как, например, «швейцарский», «бернский», «австрийский», «венский» языки, которые, в отличие от сербского, хорватского, боснийского и черногорского не получили официального статуса, в отличие от южнославянской ситуации, в которой имели место совершенно другие описанные выше факторы формирования нации.

По этой же причине чакавского и кайкавского идиома относятся к рангу диалекта и не претендуют на официальный статус отдельных языков, несмотря на довольно затрудненное, а порой и полное взаимонепонимание с носителями тульского языка, а также на наличие многовековой литературной письменной традиции у каждого из них. Однако при этом их носители не воспринимают свой идиом как самостоятельный и отдельный от другого идиома, а как его часть. При этом, в своем лингвистическом сознании, воспринимая свой идиом не как диалект,

а как языковой код, его носители в бытовом общении называют его «чакавский vers. кайкавский языки», но исключительно в рамках оппозиции «свой – чужой», которая применима именно при соотношении языка и диалекта или языка и языкового кода в рамках одного единого целого языкового образования.

К той же оппозиции принадлежит и загребское городское койне, сформированное на лексико-морфологических принципах кайкавского диалекта и с включением большого количества германизмов и локальной лексики, что представляет собой трудность для понимания носителями литературного хорватского языка. В случае загребского койне оппозиция «свой – чужой» может быть немного скорректирована как «столичный житель, коренной загребчанин – приезжий, провинциал», поскольку данный идиом дополнительно имеет социальный статус престижа и является маркером столичного жителя, поскольку его носителями являются только коренные жители Загреба. При этом опять-таки, несмотря на особый социальный статус престижа загребского койне, в сознании его носителей отсутствует восприятие родного идиома как обособленного или отдельного от стандартизированного титульного языка, несмотря на традиционную загребскую городскую культуру и литературу, опирающуюся на данное койне, хотя в бытовом общении этот социолект именуется его носителями как *zagrebački jezik*. В связи с вышесказанным в этом абзаце еще раз подчеркнем, насколько расплывчато, ситуативно, контекстуально обусловлено, подвижно и относительно понятие «язык», что в очередной раз подвергает сомнению постулат многих сербских и российских «пансербистов» о едином сербском, или сербохорватском языке для всех народов, проживающих на территории описываемого региона Южной Славии.

Отвергая названия лингвонимов «хорватский, боснийский или черногорский языки», которые их носители используют в отношении своего родного идиома, и называя их сербским или сербохорватским, славист, таким образом, в значительной степени сужает круг своих научных изысканий югославистике, ограничивая себя только сербским языком, очерченным территориальными границами современной Сербии. При таком подходе языковой материал может черпаться исключительно из словарей и произведений художественной литературы, тогда как исследования живой речи и живых языковых процессов, которые на всей территории сербохорватского языкового континуума реализуются далеко не единообразно. Так, например, представляются невозможными проведения полевых исследований или записи и анализ современной разговорной

речи, поскольку они требуют вступления в контакт с реципиентами, в сознании которых их родной идиом именуется не сербским, а, например, боснийским, хорватским или черногорским. Узость подхода к данному вопросу является неуважением к языковому самосознанию говорящего и свидетельствует об отсутствии толерантности к народам, которые пользуются тем лингвонимом, который образован от их этнонима.

Более того, пренебрежение ученых-«пансербистов» или отрицание фактически уже сложившейся языковой ситуации и современной языковой данности зачастую приводят к полной нелогичности их высказываний и суждений, которые уже сами по себе выглядят противоречивыми и порой демонстрируют явное неуважение по отношению к другим народам.

В качестве показательного примера приведем лишь одну цитату из многочисленных заявлений «авторитетных пансербистов», ярко иллюстрирующую их частые высказывания по данному вопросу: «Сербский язык относится к группе южнославянских языков, куда входят также болгарский, македонский и словенский (а также отколовшиеся недавно от общего сербохорватского литературного языка хорватский, боснийский и черногорский). Общее число говорящих на сербском языке свыше 12 миллионов человек» (Трофимкина, Дракулич-Прийма/Trofimkina, Drakulić-Prijma, 2012, с. 3). Несостоятельность подобного заявления заключена в уже в самой нелогичности и полной антинаучности по ряду причин. Обоснуем наше суждение и рассмотрим их ниже:

1. Термин «сербохорватский язык» искусственно возник в период СФРЮ в сугубо политических и пропагандистских целях, направленных на стирание языковых и национальных различий между сербами и хорватами в рамках политики коммунистической Югославии. Он насаждался в сознании ее граждан, тогда как до ее образования никогда не употреблялся и утратил свою актуальность после распада федерации. В литературных традициях народов бывшей Югославии исконно использовались собственные лингвонимы, образованные от этнонимов, поэтому нелогичность заключается в том, что естественный язык как таковой не мог «отколоться» от искусственно созданного в целях пропаганды термина.
2. Термин «сербохорватский язык» после распада Югославии употребляется в славистике исключительно в одном единственном лингвистическом значении – когда речь идет о надъязыковом койне у народов бывшей СФРЮ, в который попадают также словенцы и македонцы, которые используют его в целях договориться с соседними народами.

3. Из постулата об «отколовшихся» языках логически вытекает признание «пансербистов» за ними статуса отдельных языков.
4. Население Сербии составляет порядка 7 млн. человек, следовательно, перед нами на лицо явное неуважение к тем народам, которые в своем языковом сознании не считают, что они говорят на сербском, и хотя их языки максимально похожи, критерий взаимопонимания, как было сказано и обосновано выше, не применим в качестве критерия к решению вопроса выделения самостоятельного языка.
5. Уже в одном пассаже заключены две противоречащие друг другу фразы: с одной стороны, авторы заявляют об «отколовшихся» языках, с другой – в количество говорящих на сербском они нелогично включают и число говорящих на этих «отколовшихся», т.е. других языках.

Эти и подобные заявления, продемонстрированные нами лишь на одном из иллюстративных примеров, в очередной раз свидетельствуют о том, к какой нелогичности в суждениях приводят излишне политизированные взгляды на вопросы, которых вполне можно избежать и заниматься непосредственно языковым материалом, если руководствоваться принципом уважения и учитывать критерий лингвистического самосознания того или иного этнического образования.

Поэтому в свете вышеизложенных подходов, критериев и аргументов мы пользуемся такими терминами как «сербохорватский языковой континуум», подразумевающий отнюдь не название входящих в него идиомов, а исключительно географический маркер для очерчивания границ функционирования этого многообразного идиома, т.е. территории от Сербии – до Хорватии. Внутри единого сербохорватского языкового континуума уже логично выделяются по вышеописанному принципу его составляющие – языки сербов, хорватов, боснийских мусульман, черногорцев, соответственно, самостоятельные сербский, хорватский, боснийский и черногорский. И только по отношению к данному терминологическому понятию («сербохорватский языковой континуум», или «сербохорватское койне») будет действовать принцип взаимопонимания (равно как и, например, «восточнославянский языковой континуум», «чешско-словацкий языковой континуум» и т.п.).

Не менее актуален для рассматриваемого региона Южной Славии и термин «сербохорватский культурологический континуум» для очерчивания границ региона, состоящего из разных этносов, говорящих каждый на своем идиоме со статусом отдельного языка, взаимопонимание между которыми достигается вследствие экстралингвистических

факторов, как, например, общее историческое прошлое, общность литературной, музыкальной, кинематографической и других культур, и тогда под это определение также будут попадать и словенцы, и македонцы, а также билингвальные русины и словаки, проживающие в Воеводине, и билингвальные албанцы и цыгане. Суть этого понятия естественным образом отражается в языке, а следовательно, и в сознании его носителей, как, например, в виде называемого фразеологизированного речевого штампа *Od Vardara pa do Triglava* (слова из культовой для всех народов песни времен СФРЮ), который употребляется в значении «на территории всей бывшей Югославии», где Вардар – река в Северной Македонии, а Триглав – название горного массива в Словении, и является прецедентным текстом для всех народов бывшей СФРЮ, включая словенцев и македонцев (ср. русский аналог выражения *От Москвы до самых до самых до окраин* во фразеологизированном значении для образного обозначения всей территории России или бывшего СССР).

Вопрос о названии языка или языков носителями представленных в статье южнославянских идиомов в разговорной речи решается довольно просто – это частотное использование таких языковых формул или фразеологизированных речевых штампов, как, например: *Naš jezik/naški jezik/jezik ovih/naših prostora; maternji jezik* – т.е. «материнский, родной», с целью избежать излишних кривотолков при общении представителей различных этносов, чем (кривотолками) так рьяно занимались и продолжают заниматься многие пансербистки настроенные сербские, черногорские и российские лингвисты.

Таким образом мировоззренческое самосознание южных славян находит естественные языковые средства для констатации тех реалий, которые живут в языковом менталитете южнославянских народов и лежат в плоскости этнолингвистической психологии. Исходя из этого, великий писатель Иво Андрич, родившийся в Травнике и посвятивший свое творчество боснийскому бытоописанию, Кустурица, идентифицирующий себя как «югославянин», перешедший из ислама в ортодоксальную веру и прославивший культуру народов Югославии далеко за ее пределами, Горан Брегович, благодаря которому балканская музыка получила известность далеко за пределами Балкан, Меша Селимович, босниец по своему происхождению, открывший миру быт боснийских мусульман, писатель хорватского происхождения Мирослав Крлежа, произведениями которого и сегодня зачитываются в Сербии, Черногории, Боснии, или Йосип Броз Тито, личность которого в настоящее время фольклоризирована и фразеологизирована в речи носителей языка, например, в виде

устойчивой формулы языкового заклѣтия – *Tita mi (istinu ti kaŕem)!; Titom se kunem!* в значении «руку даю на отсечение, клянусь», – все эти и многие другие знаковые и значимые для сербохорватского культурологического континуума определяются в речи сербов, хорватов, боснийцев-мусульман, черногорцев как *naši, ljudi/pisci/muzikanti sa naših/ovih prostora, sa regiona, sa našeg regiona*.

Подводя итог приведенным в настоящей статье аргументам, считаем необходимым в качестве подтверждения тому, что любой из анализируемых нами языков – сербский, хорватский, боснийский или черногорский имеют право статуса самостоятельного языка, привести фразу авторитетного лингвиста М. Вайнрайха, который интерпретировал слова французского языковеда А. Мейе: «Язык – это диалект, у которого есть армия и флот», которую мы бы дополнили этническим и национальным самосознанием его носителей.

Литература

- Кузнецова И.В., Хмелевский М.С., *Лексемы ориентального происхождения во фразеологизмах, называющих человека, в языке славян-мусульман Боснии*, «Slavia Centralis» 2021, № 1, с. 37–47. / Kuznecova I.V., Hmelevskij M.S., *Leksety oriental'nogo proishoŕdeniâ vo frazeologizmah, nazывауúših čeloveka, v âzyke slavân-musul'man Bosnii*, «Slavia Centralis» 2021, № 1, s. 37–47.
- Мечковская Н.Б., *Социальная лингвистика*, Аспект Пресс, Москва 1994. / Mečkovská N.B., *Social'naâ lingvistika*, Aspekt Press, Moscow 1994.
- Мусорин А.Ю., *Что такое отдельный язык?*, «Сибирский лингвистический семинар. Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация», Новосибирск 2001, № 1, с. 12–16. / Musorin A.Û., *Čto takoe otdel'nyj âzyk?*, «Sibirskij lingvističeskij seminar. Vestnik Novosibirskogo universiteta. Seriâ: Lingvistika i meŕkul'turnaâ kommunikaciâ», Novosibirsk 2001, № 1. s. 12–16.
- Савченко А.В., Хмелевский М.С., *Босния и Герцеговина – исторический мост между балканскими культурами, религиями и нациями*, «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика», т. 11, № 3, РУДН, Москва 2020, с. 546–560. / Savčenko A.V., Hmelevskij M.S., *Bosniâ i Gercegovina – istoričeskij mosti meŕdu balkanskimi kul'turami, religiâmi i naciâmi*, «Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriâ: Teoriâ âzyka. Semiotika. Semantika», t. 11, № 3, RUDN, Moskva 2020, s. 546–560.
- Трофимкина О.И., Дракулич-Прийма Д., *Сербский язык*, КАРО, Санкт-Петербург 2012. / Trofimkina O. I., Drakulič-Prijma D., *Serbskij âzyk*, KARO, Sankt-Peterburg 2012.
- Хмелевский М.С., *Особенности фразеологии города Сараева*, [в:] *Национальное и интернациональное в славянской фразеологии*, Greifswald 2013, с. 227–231. / Hmelevskij M.S., *Osobennosti frazeologii goroda Saraeva*, [v:] *Nacional'noe i internacional'noe v slavânskoj frazeologii*, Greifswald 2013, s. 227–231.

Эдельман Д.И., *К проблеме «язык или диалект» в условиях отсутствия письменности*, «Лингвистическая география, диалектология и история языка», ЕГУ, Ереван 1978, с. 91–132. / Edelman D.I., *К проблеме «âзык или диалект» в условиâх отсутствиâ пис'менности*, «Lingvističeskaâ geografiâ, dialektologiâ i istoriâ âzyka», EGU, Erevan 1978, s. 91–132.

Abstract

'Serbo-Croatian linguistic and culturological continuum': Serbian, Croatian, Bosnian and Montenegrin languages – *pro et contra*

The article deals with actual issues of the language situation that has developed in the South Slavic space, with the involvement of cultural and phraseological material. In particular, the approach to determining the status of the Serbian, Croatian, Bosnian and Montenegrin languages is substantiated on the basis of a set of criteria for distinguishing them as independent languages. The relevance of the states problems is seen in the search for its objective solution.

Keywords: South Slavic languages, idiom, language, dialect, phraseology, culturology

Streszczenie

„Serbsko-chorwackie kontinuum językowe i kulturologiczne”:
języki serbski, chorwacki, bośniacki i czarnogórski – *pro et contra*

Artykuł podejmuje aktualne zagadnienia sytuacji językowej, jaka powstała w przestrzeni południowosłowiańskiej dzięki wykorzystaniu materiału kulturowego i frazeologicznego. Ustalono w nim podejście do określenia statusu języków serbskiego, chorwackiego, bośniackiego i czarnogórskiego na podstawie zestawu kryteriów wyróżniających je jako języki samodzielne. Aktualność zaprezentowanych problemów uwidacznia się w poszukiwaniu ich obiektywnego rozwiązania.

Słowa kluczowe: języki południowosłowiańskie, idiomy, język, dialekt, frazeologia, kulturoznawstwo